

ности труда, мы читаем страстные тирады о том как надо беречь этот великий французский труд, мы читаем советы, обращенные к капиталистам, так сказать, пожалеть этот труд.

Лучшее рабочее законодательство, светлые и просторные жилища, благоустроенные фабрично-заводские ясли, факультеты труда, классовый мир—пути, долженствующие вознести французский труд на исторически уготованный ему пьедестал.

— Реформы!

Мировая война, изуродовавшая промышленное тело Франции, надорвавшая ее мощь, взявшая у ней армию наиболее сильных, здоровых производителей, поставила во всей остроте вопрос о наиболее полном использовании всей трудовой энергии нации. Нанесенные войной раны предопределили исключительную роль, павшую во Франции на долю машины и техники, — восстановление разрушенных департаментов.

Обогатившаяся саарским углем, захватившая Эльзас-Лотарингию, владеющая железом и углем, современная Франция превращается в одну из мощнейших промышленных стран. Война переродила Францию. И вот на фоне этого исторического перелома — перехода гуманитарной мелко-буржуазной, «демократической» Франции во Францию высоко развитого капитализма—кисть Пьера Ампа получает полное освещение. Боязнь германской конкуренции, борьба за мировые рынки, мощь просыпающегося крупного капитала, порождающего, как своего антагониста, новый французский пролетариат, нарастание классовых конфликтов на фоне мощи промышленного труда,—все это впиталось в картину, данную автором. И здесь—вся ценность и весь глубокий интерес, представляемый книгой Пьера Ампа.

Ее ценность—знамение времени, знамение умирания старого французского рабочего движения, знамение нарождающейся французской революции, знамение повышающейся мощи французской промышленности, и вдали, на горизонте,—смутное ощущение разрушения старого капиталистического мира, победы пролетариата.

А. Ромэнский.

А. Луначарский. История западно-европейской литературы в ее важнейших моментах. Ч. I 244 стр., ч. II 236 стр.—ГИЗ Москва 1924.

В этой работе автор—верный последователь Г. В. Плеханова: в каждом исследуемом периоде он определяет прежде всего состояние производительных сил и обусловленных ими экономических отношений, а отсюда и социально-политического строя той страны, к которой принадлежит анализируемый писатель, затем переходит к установлению, вызываемой двумя последними факторами, психики общественного человека, к классовой психологии, и на этом научно-освещенном фоне, набросанном уверенной и умелой кистью мастера, отчетливо выделяется само творчество, произведение искусства. Автор не ограничивается своей темой—литературой, но попутно освещает и живопись, и скульптуру, и архитектуру; затрагивает ряд вопросов, касающихся той или другой идеологической надстройки. Читателю открывается непрерывное течение литературной мысли человечества, постоянная смена идеологий.

Можно поставить в упрек автору, что на некоторых писателях он фиксирует внимание читателя не в силу исторической необходимости, но в силу личных литературных симпатий: так, незаслуженно высоко возведены Гельдерлин, Рэмбо. Напротив, несколько урезано значение Гейне. Это относится почти исключительно ко второму тому, в котором то же количество материала, что и в первом, распределено между значительно большим количеством литературных имен.

Во втором издании, которое, вероятно, потребует в самом непродолжительном времени, следует исправить некоторые неточности и опечатки: слова Маркса о Гете в изложении автора противоречат подлинному тексту (стр. 68, II). У Маркса: «в нем (Гете) происходила непрерывная борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей среды внушало отвращение, и патрищем, тайным советником, который был вынужден идти на перемирие с этим убожеством... Он не был в силах победить немец-

кое убожество: напротив, оно победило его».—Еще: над комедиями Мольера «смеется вся вселенная» не «около 400 лет» (стр. 257, I), а всего около 300, ибо родился Мольер в 1622 г.—Далее: «так создался стиль ампир. И потом (курсив наш) целый ряд королей, вплоть до нашего Павла и Александра I, старались подражать... именно наполеоновскому стилю» (стр. 39, II). История же утверждает, что Наполеон I вступил на престол в 1804 г., а Павел I был удушен на 3 года ранее, а следовательно подражать наполеоновскому стилю вряд ли успел.—Рождение и смерть Лессинга следует передвинуть на столетие назад, иначе выходит, что Лессинг был современником Маркса (стр. 44, II).

Но, повторяем, погрешности эти мало существенны: они неизбежны в столь широко задуманной работе, когда внимание автора сосредотачивается не на деталях а на целых творческих периодах. Автор вполне достигает своей цели: «наметить марксистский подход к литературе, указать связь писателей и литературных произведений с особенностями каждой данной эпохи и вскрыть их классовую сущность... внушить молодым слушателям любовь к литературе, умение считаться с наследием прошлого...» (Предисловие).—Оба тома написаны достаточно доступно даже для мало-подготовленного читателя и заслуженно «одобрены государственным ученым советом в качестве пособия для ВУЗ'ов».

Александр Гербстман.

В. А. Апушкин. Генерал от поражений В. А. Сухомлинов. 133 стр.

Д. О. Засловский. Рыцарь черной сотни В. В. Шульгин. 72 стр.

С. В. Любон. Русский фашист Владимир Пуришкевич. 56 стр. Изд. во «Вылос», Ленинград, 1925 г.

Интересно задуманная серия «Царская Россия»—характеристика политических деятелей погибшего режима—должна бы служить подспорьем новому читателю, знакомящемуся с нашим недавним прошлым, но по своему выполнению стоит не на высоте своей задачи. Авторы этих брошюр сузили свою задачу до простого пом-

пнятивного изложения известных материалов, при чем и последние-то использованы односторонне. К этим книжкам нельзя подходить, как к занимательному чтению. Без определенного социологического подхода, без характеристики, пусть весьма краткой, классовых группировок, эти книжки превращаются в собрание анекдотов. Для нового читателя это неинтересно, а современникам эти анекдоты известны.

Из всей этой серии наиболее удовлетворительным является очерк В. Апушкина о Сухомлинове. Портрет бездарного царского военного министра нарисован во весь рост, и показана атмосфера правящего класса, в зловонной духоте которой вырастали махровые цветы, подобно Сухомлинову. В книжке читатель найдет биографические сведения о Сухомлинове, бытовые штришки и также борьбу отечественной буржуазии в лице Думы со ставленниками крупнопоместного дворянства. Неполно только толкование борьбы Думы с военным министром, как дано это автором. По его словам, все дело заключается в патриотизме Думы, с одной стороны, и легкомыслии и бездействии власти—с другой. Это не совсем точно. Русская буржуазия, главным образом, ополчилась на военного министра за то, что он не торопился привлечь ее к делу обороны и игнорировал интересы русских промышленников.

Книжка о Шульгине дающая законченную характеристику этого черносотенца, перебежавшего при первых раскатах революционной грозы в лагерь конституционной буржуазии, страдает оттого, что автор идеализировал личность Шульгина и объяснил его переход из крайне правого крыла Думы в либеральный центр патриотическими стремлениями. Это неверно. Шульгин просто был достаточно умен, чтобы понять происходящее. Подъем промышленности до войны и ее большое значение во время войны выдвинули на политическую авансцену крупную буржуазию. Это-то и учуял Шульгин. Последнее замечание относится также и к книжке о Пуришкевиче, наименее удачной из всех трех.

С. Б.